

ИНУДЗЮН

*Жду тебя
на безлюдной
станции*

Имена. Зарубежная проза

Индзюн

Жду тебя на безлюдной станции

«Азбука»

2023

УДК 821.521-31(520)

ББК 84(5Япо)-44

Инудзюн

Жду тебя на безлюдной станции / Инудзюн — «Азбука»,
2023 — (Имена. Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-33937-8

«Это случается в ясные дни, когда безоблачное небо окрашивается в цвета заката. Если сесть на скамью для собраний и искренне подумать о том, с кем хотел бы встретиться, этот человек приедет на закатном поезде». У каждого из нас есть тот, кого больше никогда не увидишь, хотя этого хотелось бы больше всего на свете. Мама. Папа. Брат или сестра. Старый друг. Первая любовь. Что изменилось бы, будь у нас возможность поговорить с ними в последний раз? Этот роман в новеллах расскажет о таких разных гранях любви, потери, горя и прощения. О семейных трагедиях и бытовых драмах. Детях, родителях, любовниках и друзьях. Под одной обложкой собрались рассказы о судьбах совершенно разных людей: юных и пожилых, девушек и юношей, которым когда-то довелось пережить смерть близкого, а потом – услышать легенду о безлюдной станции Сунзда. Но главное, это истории, в которых никогда не умирает надежда, потому что её привозит откуда-то издалека закатный поезд.

УДК 821.521-31(520)

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-33937-8

© Инудзюн, 2023

© Азбука, 2023

Содержание

Глава 1. Подруга	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Инудзюн

Жду тебя на безлюдной станции

Иллюстрация на обложке Елены Капич.

MUJIN-EKI DE KIMI O MATTEIRU

Inujun

Первоначально опубликовано в Японии в 2023 году издательством Jitsugyo no Nihon Sha, Ltd.

Права на перевод на русский язык согласованы с Jitsugyo no Nihon Sha, Ltd. через Nova Littera SIA, Латвия

© Inujun, 2023

© Гурова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Солнце клонится к западу, окрашивая небо в закатный оранжевый.

С расположенной на возвышенности станции Сундза открывается отличный вид на бескрайнее небо и раскинувшееся до горизонта озеро Хамана ¹.

Станция безлюдна. Сядь на скамейку и подумай о том, по кому так скучаешь. С благодарностью воскреси в памяти самые тёплые воспоминания, а горькие сожаления отпусти – пусть они растворятся между морем и небом.

«Я скучаю...»

Быть может, яркий закат донесёт твоё заветное желание встречи до безоблачного неба.

Издалека донесётся стук колёс и покажется, сверкая золотом вагонов, поезд. Это знак ожидающего тебя чуда.

Есть ли у тебя человек, с которым ты уже никогда не увидишься?

А если всё-таки удастся встретиться, о чём ты ему расскажешь?

А ты ждёшь, когда приедет тот самый закатный поезд?

---

¹ Озеро Хамана – солоноватое лагунное озеро на юге центральной части японского острова Хонсю. Располагается на территории префектуры Сидзуока.

Глава 1. Подруга

– Ненавижу тебя, мама! – в который раз пробормотала я, широким шагом сбегая вниз по склону.

Апрельское небо уже покраснело в лучах заходящего солнца, а озеро Хамана, видневшееся за перевалом, постепенно окрашивалось в чёрный цвет. Носки кроссовок, которые мне только-только купили, испачкались, но я даже не обратила на это внимания, продолжая гневно топтать по дороге.

Несмотря на весеннюю прохладу, лоб уже покрылся капельками пота. Длинная чёлка прилипла к коже, только усиливая мой гнев.

В этом году я перешла в старшую школу, чему не могла не радоваться, но в последнее время всё в моей жизни шло как-то наперекосяк. Причин тому было несколько, и большая их часть была связана с обстановкой в моей семье.

Когда это началось? Когда мне стало так удушающе тяжело находиться дома? В семье нас всего трое, но стоит нам оказаться в одной комнате – и воздух тяжелеет, как будто наполняясь влагой.

Мы никогда не разговариваем спокойно, а мама в последнее время постоянно заставляет меня заниматься, пугая вступительными экзаменами, до которых ещё довольно далеко. Даже папа, обычно занятый чтением газеты, при слове «экзамены» присоединяется к маминым нотациям.

Я практически перестала отвечать им. Родители же, глядя на меня и тяжело вздыхая, погружали наш дом в ещё больший мрак. Мне уже начало казаться, что я давно не слышала от них ничего, кроме жалоб.

Сколько раз мне хотелось закричать: «Хватит!» Как бы мне хотелось, чтобы родители не вымещали на мне взаимное раздражение.

Пока я гневно топала вниз по склону, постоянно бормоча себе под нос, мой гнев понемногу утихал, будто впитываясь в асфальт.

Когда справа показалась станция, злость уже почти сменилась унынием. Вот так всегда. Точно так же, как закат сменяется ночной тьмой по мере спуска с холма. Подойдя к станции, я наконец расслабилась.

Станция Сундза линии Тэнрю-Хаманако скромно разместилась за автобусными остановками. Платформа длиной около пятидесяти метров, вывеска с названием и маленькое здание самой станции, на вид похожее на сборный домик, – вот и всё нехитрое устройство этого места.

От тротуара к платформе ведёт гравийная дорожка. Ветер покачивал незнакомые мне жёлтые цветы на маленькой клумбе. Но сегодня даже этот милый пейзаж навевал одиночество – должно быть, повлияло моё унылое настроение.

Поезда здесь ходят нечасто – примерно раз в час, а потому станция Сундза, сколько я её помню, всегда была безлюдной.

Говорят, таких безлюдных станций на нашей линии много. Неудивительно, ведь наш город довольно далеко от вокзала Хамамацу, так что тут даже автобусы толком не ходят. Людей здесь становится всё меньше, и в школе, куда я хожу, на каждый год обучения приходится всего по три класса.

– Эх, – вздохнула я, опускаясь на деревянную лавку.

Овальная скамейка не имела спинки, а на вывеске за моей спиной красовалась надпись: «Скамья для собраний». Там же было написано и какое-то пояснение, но буквы стёрлись от ветра и дождя и уже не читались.

Подул, колыхнув мои волосы до плеч, ветер. Нет, всё-таки апрель – это ещё не весна, по вечерам воздух всё ещё совсем по-зимнему холодный.

Со станции, расположенной на возвышенности, отлично видно озеро. Мне, родившейся и выросшей в Хамамацу, этот вид давно уже должен был надоесть, но, убегая из дома, я почему-то всегда прихожу именно сюда.

В бескрайнем небе постоянно плывут куда-то вдаль облака. На поверхности озера за домами сверкает мелкая рябь. Озеро Хамама настолько большое, что, как я слышала, некоторые туристы поначалу даже принимают его за море.

Если честно, то я и сама в детстве была уверена, что это самое настоящее море. Помнится, в те времена мы с родителями частенько гуляли вдоль берега... Правда, в последнее время мама с папой стали такими хмурыми, что эти воспоминания заметно потускнели: сейчас родители чаще расстраивают и отталкивают меня.

Возможно, я прихожу сюда потому, что здешние пейзажи обладают каким-то успокаивающим эффектом. Глядя на озеро, освещённое лучами уходящего за горы солнца, я всё сильнее хочу домой. А к моему возвращению родители обычно успокаиваются.

Но всё-таки в последние несколько месяцев я стала приходить сюда намного чаще. По моим наблюдениям, в шести из десяти случаев в этом виновата мама, в трёх – я и только в одном – папа. Мама, по-моему, в последнее время только и делает, что злится.

И чего она так ко мне пристала?..

Как будто всё, что её интересует, связано только со мной – такое чувство, что меня поместили под круглосуточное наблюдение! Может быть, мама до сих пор считает меня слишком маленькой? Вот только в следующий же момент она напоминает мне, что я вообще-то уже старшеклассница...

Нет ничего, чем мне хотелось бы заниматься в жизни, так что «будущее» мне кажется таким же далёким и призрачным, как линия горизонта. Хотя, конечно, мне всё-таки хочется, чтобы жизнь приносила удовольствие...

Я жалась в комок, поджав губы, и вдруг увидела, как на уровне моего взгляда пролетела какая-то птица.

Вот бы и мне стать такой же свободной!.. Небо такое огромное, а этот город так тесен, что даже дышать тяжело. Надо хотя бы университет выбрать подальше отсюда – тогда не придётся столько времени проводить дома, и всем сразу станет легче.

В кармане юбки завибрировал телефон. Его мне подарили на Новый год, и это мой первый смартфон. Кстати, именно он и стал поводом для сегодняшней ссоры – мама жаловалась, что я слишком много сижу в телефоне.

На экране высветилось имя «Аяка» – она мне и звонила.

– Привет, Аюми, что делаешь? – раздался в трубке её весёлый голос.

Аяка живёт неподалёку, и мы дружим с детства, так что для меня она стала кем-то вроде сестры. Мы ровесницы, но время от времени одной из нас приходится выступать в роли старшей. Мы поступили в одну и ту же школу, но попали в разные классы. Однако даже так мы довольно часто общаемся по телефону.

– Да ничего особо, – буркнула я, хотя и была рада звонку подруги.

Аяка рассмеялась:

– Судя по голосу, опять с матерью поругалась, да?

– А вот и нет!

– Ой, да ладно! Ты столько раз на родителей жаловалась – думаешь, я не догадаюсь?

Она, конечно, угадала, но неужели меня так легко прочитать?.. Пока я думала, что бы ответить, подруга продолжила:

– Ну так что? Что на этот раз случилось? Посуду за собой не помыла, что ли?

– Ничего подобного! В этот раз она сама виновата, – сказала я, возвращая взгляд к озеру. Вода стала ещё темнее. – Я, конечно, и правда много сижу в телефоне, но зачем так орать-то было?..

Тем более дома есть Wi-Fi, так что деньги я не трачу, да и не то чтобы я не выпускала смартфон из рук круглыми сутками.

– Понятно, значит, из-за телефона. Но твоя мама в последнее время и правда то и дело ругается.

Мой гнев же, начавший было стихать, готов был снова разгореться, получив поддержку от Аяки.

– Между прочим, папа ещё побольше меня в игры залипает. И наверняка донатит!

– Ого!

– Ага, а достаётся мне! Только пришла – и сразу нотации. Кошмар!

– Ну, слушай, родители же всегда так, разве нет?

– Да ты просто мою маму не знаешь... Раз так много свободного времени – лучше бы с отцом поговорила, а не ко мне цеплялась! Ну невозможно уже, честное слово... Вот бы они оба куда-нибудь исчезли вообще!

– Да ладно тебе, остынь. У тебя хотя бы семья полная.

После этой её фразы я резко замолчала. Я вдруг вспомнила, что мама Аяки довольно давно ушла из семьи. Я тогда была совсем маленькой и толком её не помню, но, кажется, это была изящная женщина с доброй улыбкой.

Это случилось на летних каникулах, когда мы учились в третьем классе начальной школы. В тот день Аяка внезапно позвонила мне и сказала, что её родители решили развестись. Подруга рассказала мне эту новость таким будничным тоном, что я до сих пор помню, как тогда растерялась. Помнится, я сменила тему, не желая продолжать неприятный разговор, и Аяка спокойно согласилась...

По словам моей мамы, мама Аяки хотела оформить опеку над дочерью, но у неё не получилось. С тех пор Аяка живёт с отцом.

Вспомнив эти подробности о семье подруги, я поняла, что явно сболтнула лишнего.

Я невольно закусила губу. Пока мы молчали, я заметила, что слышу в трубке какой-то шум.

– Где это ты? – поинтересовалась я, на что Аяка рассеянно ответила:

– А, я в городе.

Под «городом» мы обычно подразумевали окрестности станции Хамамацу. Пусть мы и живём в одном городе – собственно, Хамамацу, – в наш «город» без пересадок не доехать.

В школу Аяка почти не ходит. Она была на церемонии поступления и пришла на уроки на следующий день, но её появления в школе после этого можно посчитать по пальцам одной руки. Ходят слухи, что она связалась с плохой компанией.

На самом деле, Аяка начала постепенно меняться ещё во втором классе средней школы. Она покрасила свои длинные прямые чёрные волосы в коричневый и даже научилась пользоваться косметикой. Меня здорово смущает, что с каждой нашей встречей подруга выглядит всё более вызывающе. Её характер оставался прежним, но внешность менялась, и это начинало беспокоить меня.

– И что ты там делаешь, на станции?

– Отдыхаю.

Таких односложных ответов тоже становилось всё больше.

– А с кем ты?

– С друзьями.

– Это с какими?

Я так закидала подругу вопросами, что она рассмеялась.

– Ой, да ну тебя! Хватит меня допрашивать – лучше о себе побеспокойся. Сто процентов ведь опять на Сундзе торчишь!

В яблочко. Я даже не нашлась, что ответить.

– Так и думала. Темно уже, так что прекращай дуться и иди домой.

– Между прочим, тебе тоже не помешало бы, – поддела я, в ответ получив лишь короткий неразборчивый звук.

– Ну, я-то ни с кем не ссорилась.

– Зато ты шатаешься допоздна – вот и не можешь потом встать с утра. А вообще-то, в школу надо ходить, хотя бы и с опозданием.

– Ну и что мне там делать? Учусь я плохо, друзей нет...

С одной стороны, она права, но кое-что меня всё-таки смутило.

– Эй! А я тебе кто? Не подруга, что ли? Ну ничего себе!

– А-ха-ха. Да не в этом смысле! Ты вообще моя лучшая подруга. Просто мы в разные классы попали, а одноклассники у меня так себе...

– За тебя же все беспокоятся.

– Шутишь, что ли? Кому я там нужна! Меня там никто толком знать не знает.

Розовый закат уже сменялся тёмно-синими красками ночи. Постепенно темнела и вода озера. Скоро прибудет поезд до станции Какэгава. Я встала со скамейки и вышла на тротуар – не хотелось бы, чтобы меня приняли за ожидающую поезд пассажирку.

Плохо освещённый тротуар постепенно погружался в ночную тьму. Глядя на проносящиеся мимо машины с включёнными фарами, я почувствовала беспокойство.

Что же мне делать?.. Идти домой, конечно, не хотелось, но завтра в школу...

– Аюми, – позвала меня Аяка.

– Что такое?

– Есть предложение. Я сейчас уже сажусь на поезд, так что и ты давай домой, хорошо?

– Ага. Так и сделаю.

Похоже, за старшую сестру сегодня Аяка. Я послушно кивнула и зашагала в сторону дома.

– Смотри, ты пообещала. А теперь – домой!

– Хорошо, договорились.

Аяка сбросила звонок, как обычно, даже не попрощавшись. Вот всегда она так...

Я посмотрела направо. Солнце уже совсем зашло, и горы погрузились в чёрную тень. Мне тоже пора домой.

Я медленно поднималась по склону, и идти было так легко, словно меня подгонял попутный ветер. После разговора с Аякой мне всегда становится спокойнее и легче на душе – меня окутывает чувство безопасности, словно кто-то оберегает меня.

Вот такая она – моя лучшая подруга.

Станция Хаманако-Сакумэ, расположенная неподалёку от станции Сундза, – ближайшая к моему дому. Она известна тем, что зимой сюда прилетает много озёрных чаек. К тому же белые птицы, летающие на фоне озера, отлично смотрятся на фото.

Мой дом находится примерно в десяти минутах ходьбы вверх по склону от станции. Ещё минут двадцать подъёма – и можно выйти к зданию нашей школы, расположенному на полпути до вершины горы. Я знаю в лицо практически всех учеников – в нашу маленькую муниципальную школу редко поступает кто-то, кроме местных.

К слову, свою дорогу на занятия мы зовём «альпинистским походом»: летом подъём на гору превращается в серьёзное испытание, которое не пройти без дополнительной воды, так что в школу мы приходим уже совершенно вымотанными.

У входа я переобулась и приступила к последнему испытанию на пути к классу – подъёму по лестнице. Обе ноги ныли после вчерашнего «побега».

Поднявшись на второй этаж, я прошагала мимо своего класса и заглянула в параллельный.

– Привет, – поздоровалась я с ребятами и посмотрела на парту Аяки у окна. Подруги там не было.

Залитая лучами утреннего солнца, парта словно ждала свою хозяйку и казалась очень одинокой. Впрочем, учитывая, что Аяка постоянно опаздывает, ещё не всё потеряно. Надеюсь, сегодня она всё-таки явится...

Я пожалела, что вчера не взяла с подруги обещание прийти в школу. Решив попозже зайти ещё раз, я наконец отправилась в свой класс.

В классе я уселась за свою парту, расположенную как раз в самом центре комнаты. Спрятавшись за поставленной прямо на стол сумкой, я украдкой достала телефон и проверила сообщения. Нет, Аяка ничего не писала.

– Сайто, – услышала я свою фамилию. Вздвогнув от неожиданности, я подняла голову и увидела Арикаву.

Её легко узнать по очкам в чёрной оправе и аккуратно разделённой ровно посередине чёлке. Несмотря на ранний час, лицо у неё было мрачное.

– Можно тебя на минутку?

Её серьёзный тон не сулил ничего хорошего. Она всегда вежлива и отлично учится – возможно, дело в том, что оба её родителя работают в сфере образования. Ещё в начальной школе Арикава сама вступила в класный комитет, так что я по опыту знаю, что за таким тоном обычно следует какое-нибудь замечание.

Не дожидаясь моего ответа, Арикава уселась на стул, облокотившись на пока свободную парту впереди моей. Похоже, меня ждёт довольно обстоятельная нотация...

Приготовившись к головомойке, я сняла сумку со стола и повесила на положенное место, но одноклассница всё ещё молчала. Я не припоминала за собой ничего такого, за что можно было бы получить нагоняй, но уверенности не было. Как минимум, пользоваться смартфоном в школе запрещено, так что я могла предположить, что Арикава заметила, как я проверяю сообщения.

– Ты что-то хотела? – спросила я, не выдержав молчания, и только теперь она открыла рот.

– Ты ведь дружишь с Ондой из соседнего класса?

– Онда? А, Аяка... Ну да, мы живём недалеко друг от друга.

Неожиданно. Получается, я ничего не натворила? Вдруг расслабившись, я даже заулыбалась, но Арикава, кажется, только больше помрачнела.

– Не очень приятно об этом говорить, но ты ведь знаешь, что она почти не ходит в школу?

– Ну, она же всё-таки свободный человек.

Мне вдруг подумалось, что ей очень подходит это определение. Аяка всегда смотрит куда-то во внешний мир, и если находит там что-то интересное, то пробует всё подряд.

Она настолько деятельна, что ещё в четвёртом классе на зимних каникулах взяла подаренные на Новый год деньги и в одиночку отправилась за покупками в Нагою, а летом прошлого года села на ночной автобус и самостоятельно поехала на экскурсию в Токио. Помню, я тогда очень за неё беспокоилась и даже разозлилась, а Аяка только удивлённо склонила голову.

– А что не так-то? Я просто делаю, что нравится, – сказала тогда подруга.

Аяка напоминает мне озёрную чайку. В отличие от меня, страдающей в этом маленьком городишке, она способна жить свободно даже в тесном мире. Я никогда не говорила об этом, но мне кажется, что однажды она покинет меня.

Из раздумий меня вырвал голос Арикавы:

– Можно я тебе кое-что скажу по секрету?

Я коротко кивнула, и Арикава, поправив указательным пальцем очки, подалась вперёд, приблизив своё лицо к моему.

– Вчера вечером я ходила в ресторан у станции Хамамацу, и папа подобрал кошелёк.

– Кошелёк? – хмуро переспросила я, не понимая, к чему она клонит. При чём тут Аяка?..

– Было уже поздно, мы хотели поскорее добраться домой, так что решили отнести его в полицейский участок.

Я знаю, что участок находится на некотором отдалении от станции, но сама ни разу там не была.

Я кивнула, предчувствуя неприятный поворот. Арикава заговорила ещё тише, явно не желая, чтобы её услышал кто-то ещё:

– Пока папа разговаривал с дежурным офицером, в участок зашли несколько человек. Точнее, их привели полицейские...

– И?

– Думаю, их задержали. Они все что-то оралы, ругались, мешали полицейским... Жуть!

Арикава замолчала и пристально посмотрела на меня, явно желая сказать что-то ещё.

Под её взглядом я не выдержала и спросила:

– Там была Аяка?..

Арикава коротко кивнула, и из моей груди непроизвольно вырвался тяжкий вздох.

Плохие предчувствия обычно сбываются. После нашего разговора по телефону Аяка продолжила «отдыхать» в «городе». Подруга нарушила обещание, и это шокировало меня даже сильнее, чем новость о её задержании.

– Если она оказалась в полиции, значит, наверняка что-то случилось...

Я наконец поняла, что она хочет сказать, так аккуратно подбирая слова.

– Возможно...

– Слышала, об этом даже её классному руководителю сообщили. И в городе уже слухи ходят – типа «а слышали про девочку из той школы?». Вы с Ондой давно знакомы, так что не хочется такое говорить, но... В общем, это сильно портит репутацию школы...

– Ещё бы...

Я согласно кивнула, ощущая, как меня охватывает какое-то неприятное чувство. Я понимала, что Арикава рассказала о произошедшем исключительно из благих побуждений, но слышать критику в адрес лучшей подруги всё равно было очень обидно. Вместе с тем я здорово рассердилась на Аяку.

– Онда и в школу толком не ходит, и в неприятности попала...

– Сплошные проблемы, да...

Не зная, куда деться, я перевела взгляд на окно, но там из-за гор был виден лишь небольшой кусочек неба.

– Я думаю, что первый год старшей школы – очень важное время...

Ага, последние несколько лет я только про «важное время» и слышу.

– Мне кажется, не стоит дружить с теми, кто ввязывается в неприятности...

Не твоё дело!

Но я всё-таки изобразила улыбку и повернулась к Арикаве:

– Пожалуй, ты права. Спасибо.

На её лице появилось выражение облегчения, и одноклассница вернулась на своё место.

– Привет, Аюми! О чём это вы болтали? – услышала я чей-то голос.

– Да так, про фильм, – соврала я, чувствуя болезненный укол совести.

Мы с Аякой договорились встретиться на Сундзе в воскресенье. Вообще-то станция Сакумэ ближе к нашим домам, но Аяка всегда просит приехать именно на Сундзу – уж очень ей не хочется случайно встретить кого-нибудь знакомого.

В городе уже не осталось туристов, зимой приезжающих посмотреть на чаек, – птицы улетели ещё в апреле и прилетят теперь не раньше ноября, когда снова похолодает. А пока в

наш маленький провинциальный городок вернулась привычная тишина, и я даже скучала по прежней оживлённости, но в то же время чувствовала некоторое облегчение.

Дни проходят, а даже самое ближайшее будущее остаётся всё таким же туманным. Такое чувство, что меня силой заставили участвовать в марафоне без конечной цели. Интересно, что станет со мной к следующей зиме?..

На велосипеде я поднялась на склон перевала Сундза где-то минут за пятнадцать. Дальше мне предстояло спуститься по противоположному склону к самой станции. Мне стало так жарко, что пиджак пришлось снять.

Аяка ещё не пришла – её не было ни снаружи, ни внутри самой станции.

Я присела на круглую скамейку, надеясь немного остыть. Через несколько минут я услышала шуршание велосипедных шин по асфальту и вернулась на тротуар.

– Заждалась?

Аяка остановила велосипед, и я, глядя на неё, буквально потеряла дар речи. Мы довольно давно не виделись, но её волосы точно стали ещё светлее, чем раньше. Русый цвет сменился скорее золотистым, а брови были тонко выщипаны. На ней была ярко-розовая трикотажная одежда, и из всего образа выбивались лишь заношенные старые кроссовки.

Но ещё больше меня удивило её лицо.

– Что у тебя с глазом?

Подруга спрятала правый глаз под чёлкой, но я видела опухший фиолетовый синяк.

– А, это? Папаша заехал. – Аяка скривилась – ей явно было очень больно.

– Ничего себе... Как так-то?

– Да он достал уже!

Аяка нарочито громко рассмеялась, выдвигая подножку велосипеда. Её смех звучал неправдоподобно.

– Слушай... А это правда, что тебя в полицию приводили?

Вообще-то я собиралась задать этот вопрос попозже, но он вырвался помимо моей воли.

– Вот блин, уже узнала...

Аяка пожала плечами – и я тут же осознала, что Арикава говорила правду. Наверное, отец ударил её, когда забрал дочь домой из полицейского участка.

– Тебя кто-то видел? Уже даже слухи поползли...

– Да без разницы. Пусть себе болтают, – с безразличным видом сказала Аяка.

В холл станции мы заходить не стали, вместо этого немного спустившись по склону, и пошли под эстакаду, ведущую направо.

– Что у тебя там случилось? Ты же обещала, что поедешь домой...

– Да я как раз собиралась, а тут полиция – вот и сцапали. Ладно, хватит уже об этом!

Я разозлилась, глядя на её развевающиеся на ветру волосы. Я же волнуюсь, а она!..

– Слушай, Аяка, ну нельзя же так...

– Тебя это не касается. Не хочу об этом говорить – и точка!

– Нет, давай обсудим...

– Да сказала же – не хочу! Что тут непонятного?.. – Голос Аяки прозвучал непривычно низко и резко, и я от изумления потеряла дар речи. Подруга обернулась и гневно посмотрела прямо мне в глаза.

Видимо, осознав свою резкость, Аяка медленно покачала головой:

– Как-нибудь потом всё расскажу, хорошо? Не сегодня. Может, по мне и не скажешь, но я чувствую себя ужасно виноватой.

– Ладно...

– Лучше иди-ка сюда, – сказала подруга и, видя, что я замерла на месте, потянула меня за руку.

Я вроде давно знаю Аяку, но не могу не отметить, что она сильно изменилась. Мне почему-то казалось, что однажды новая Аяка так вырастет, что моя подруга совсем исчезнет.

Внизу склона есть дорога, а за ней раскинулось озеро. Отсюда поверхность водоёма не выглядит просто синей, как со станции, а приобретает глубокий оттенок индиго. Аяка двигалась вдоль дороги, и я следовала за ней на небольшом расстоянии.

– Куда мы идём-то?

– Увидишь!

Я смотрела в спину подруги, уверенно шагавшей куда-то под насвист какой-то песенки. С настолько высветленными волосами в школу уже не заявисься... Да даже если бы Аяка и отважилась прийти в школу, её наверняка отругали бы и отправили домой. И что же с этим делать?.. Перед моим мысленным взором всё ещё стояло рассерженное лицо подруги.

Минут через пять Аяка вдруг остановилась и повернулась ко мне.

– Ну вот, мы пришли.

Аяка указала пальцем на белое здание. На стене было написано: «Кафе “Сан-Марино”». Я знала, что это заведение открыли довольно давно, но сама ни разу там не была.

На большой парковке стояли всего две машины. И зачем мы здесь?..

Словно отвечая на мой немой вопрос, Аяка захихикала:

– Говорят, местный хозяин может рассказать кое-что интересное.

– Хозяин?..

– Ну, управляющий кафе. Короче, давай зайдём.

– Но у меня нет денег на кафе...

Кажется, у меня с собой и пятисот иен не было.

– Ничего, я угощаю.

– Не думаю, что это хорошая идея...

– Да ну тебя! Тем более, говорят, здесь очень вкусный пудинг, – рассеянно сказала Аяка, открывая дверь и входя в кафе. Вообще-то я не это имела в виду...

Я неуверенно последовала за подругой. Время было ближе к полудню, но посетителей в кафе было немного. Внутри помещение оказалось неожиданно просторным, а в интерьере преобладало дерево. На столе у входа, как и полагается заведению с таким названием, располагались разные предметы, ассоциирующиеся с морем: штурвал, плавательный круг, отрезки каната и прочее. Стены оказались сплошь заклеены фотографиями озера Хамана и постерами.

Аяка быстрым шагом двинулась к столику у окна, и я поспешила за ней.

– Добро пожаловать, – поприветствовал нас пожилой мужчина – вероятно, тот самый хозяин заведения, – ставя перед нами бокалы с водой. Он производил впечатление настоящего джентльмена.

Я лишь едва заметно кивнула, не зная, как отреагировать, а Аяка уже подалась вперёд:

– А можно кое-что спросить? – без малейшего смущения обратилась она к мужчине, немало удивив меня такой смелостью.

– Что будете заказывать? – с лёгкой улыбкой поинтересовался джентльмен.

– Ах да, заказ. Мне кофе со льдом. Аюми, а ты что будешь?

– А... Мне то же самое, пожалуйста.

Я подумала, что Аяка сегодня как будто даже веселее обычного.

После нашего быстрого ответа хозяин заведения шариковой ручкой сделал пометку в своём блокноте. Проводив взглядом отправившегося выполнять заказ джентльмена, я повернулась к подруге, демонстративно склонив голову набок.

– Ну так и что?

– Думаешь, надо было пудинг взять?

Глядя на округлившую глаза Аяку, я всё так же демонстративно покачала головой.

– Да нет же, я про «интересное». Что там такое?

– Не спеши, не спеши!

– Не в этом дело, я просто ничего не понимаю...

– Ничего, скоро всё узнаешь.

Подруга любовалась озером, положив руки на стол, и в профиль она показалась мне ещё взрослее. Когда она снова повернулась ко мне, я отвела глаза – уж слишком больно мне было смотреть на опухший синяк под её правым глазом.

Давно знакомая Аяка, которая теперь развлекается в «городе» ночью, а дома постоянно ссорится с отцом. Мне казалось, что мы можем делиться друг с другом чем угодно, но в последнее время мы сильно отделились. За эти пару дней, кажется, я видела только незнакомые стороны личности моей давней подруги и теперь растерянно мяла в руках влажное полотенце.

Как давно мы перестали быть внимательны друг к другу?..

В зале играла тихая музыка. На окнах стояли маленькие кактусы и милые статуэтки.

– Мяу, – обернувшись на звук, я увидела, как к нам идёт чёрная кошка в жёлтом ошейнике. Шёрстка её блестела, а круглые глазки делали её ещё милее.

Кошка подошла ко мне и уселась у моих ног, громко мурлыча.

– Смотри-ка, киса. Какая милашка!

Аяка только хмыкнула и равнодушно отвернулась к окну.

– Мне они не особо нравятся, – призналась подруга.

– Но в детстве ты частенько играла с Микэ.

Ни у одной из нас своих питомцев не было, потому мы часто играли с жившей на территории храма белой кошкой по кличке Микэ. Она была толстенькая и постоянно спала, но, заведев нас с Аякой, Микэ всегда шла к нам своей размеренной походкой. Эти приятные воспоминания всплывают в моей голове всякий раз, когда я слышу слово «храм».

– Что-то не припомню, – заявила Аяка, всё так же глядя на озеро.

Кошка сидела на том же месте, глядя на меня снизу вверх. Я легко могла протянуть руку и погладить её, но тело не слушалось – настолько меня ошеломили слова подруги.

Неловкую паузу заполнил аромат кофе.

– Знаешь, Аюми, – вдруг заговорила Аяка, – хотелось бы мне стать чайкой...

Я почувствовала, как сердце словно подскочило в груди – я ведь тоже всегда ассоциировала подругу с этой птицей.

– Почему? – спросила я.

Аяка даже не взглянула на меня – она всё так же смотрела на озеро, шурясь от яркости неба над ним.

– Хочу свободно летать по всему миру, как чайки. Прилетать сюда зимой – и снова улетать, как только в воздухе запахнет весной.

– Мне кажется или ты и сейчас ведёшь себя достаточно свободно? – заметила я полушутливо, и Аяка чуть приподняла уголки губ, но в следующий миг грустно опустила глаза.

– Да если бы... Я ведь понимаю, что на самом деле это невозможно, – пробормотала подруга, шумно выдохнув через нос.

– Спасибо за ожидание.

Хозяин заведения принёс наш кофе. Пожалуй, мужчине лет шестьдесят... И этот серый фартук ему очень идёт.

Мужчина поставил кофе на резиновые подстаканники, рядом положив по пакету сиропа. Аяка пристально посмотрела на хозяина кафе.

– А теперь-то можно спросить?

– Да, пожалуйста, говорите, – вежливо сказал мужчина, слегка поклонившись.

Аяка, спрятав заплывший глаз под чёлкой, перешла к интересующему её разговору:

– Расскажи про «закатную электричку».

Услышав незнакомое словосочетание, я по очереди посмотрела на подругу и хозяина кафе. Мужчина, похоже, сразу понял, о чём речь, и коротко кивнул.

– Не «электричка», а «поезд», – поправил хозяин кафе. – Никто не говорит, что он движется с помощью электричества.

– Да без разницы. Я вот слышала, что если увидеть этот «закатный поезд» или как там его, то случится какое-нибудь чудо. Это правда?

То, как невежливо Аяка разговаривала с мужчиной заметно старше неё, приводило меня в замешательство.

– Не знаю. Знаю только, что есть такое предание.

– Расскажи поподробнее! В конце концов, я ради этого и пришла.

Налив в кофе молока и сиропа, Аяка начала размашисто болтать соломинкой в бокале. Кошка, напуганная внезапным громким звуком, убежала прочь.

– Я тоже знаю не слишком много. – Хозяин кафе перевёл взгляд на озеро за окном. Я повернула голову вслед за ним и увидела, что поверхность воды покрылась мелкой рябью.

– «Это случается в ясные дни, когда безоблачное небо окрашивается в цвета заката. Если сесть на скамью для собраний и искренне подумать о том, с кем хотел бы встретиться, этот человек приедет на закатном поезде» – так гласит легенда, которую я слышал.

Услышав это, я невольно выпустила изо рта соломинку. Легенда звучала, будто цитата из сериала, и я оглянулась на Аяку, обнаружив, что она пристально смотрит на хозяина кафе с самым серьёзным выражением лица.

– И что, он правда приедет? Даже если на самом деле встретиться с этим человеком уже невозможно? – тихо спросила Аяка, на что мужчина неопределённо ответил:

– Кто знает, кто знает... Так говорят, но ведь это только легенда, – сказал он, глядя на нас добрым взглядом, а потом продолжил, будто вдруг вспомнив о чём-то: – Однако встреча будет короткой – ровно до момента, пока солнце не сядет окончательно. Как только оно скроется за горами, поезд уедет, навсегда унося того, по кому ты так скучал.

Аяка больше ничего не спрашивала. Она сидела молча, задумчиво сжав губы.

Пространство вокруг заполнял тихий джаз.

– Вы узнали всё, что хотели?

Мужчина хотел было уйти, но Аяка вдруг вскочила:

– Подожди. Пожалуйста, можно задать ещё один вопрос?

– Слушаю.

– А ты знаешь кого-нибудь... Кого-нибудь, кто видел этот поезд, у кого желание исполнилось?

– Назвать имя я не могу, но да, знаю и очень хорошо. И этот человек говорит, что закатный поезд можно увидеть лишь раз в жизни. Если один раз удалось его увидеть, то второго уже быть не может.

– Понятно...

Входная дверь открылась, и в зал вошёл новый посетитель.

– Добро пожаловать, – поприветствовал вошедшего хозяин кафе и отошёл от нашего столика, коротко кивнув на прощание.

Я услышала, как Аяка, всё так же стоя столбом, пробормотала:

– Всего одна встреча...

– Аяка...

Мой голос, видимо, вывел подругу из оцепенения, и она бессильно опустилась на стул. Горький вкус кофе немного бодрил.

– Что такое? Что это было? – полушутливым тоном спросила я. Аяка как-то смущённо улыbnулась.

– Да мне друг по секрету рассказал. Собственно, так я про это кафе и узнала. Я и сама не поверила – не думала, что и правда есть такая легенда.

Щёки её покраснели.

– Так ты же вроде с детства не переносишь разные суеверия?..

– Ну, есть такое.

– А зачем тогда тебе эта легенда? Что-то ты в последнее время странная какая-то, – вырвалось у меня.

В школу не ходит, злиться не пойми с чего, за небылицами гоняется... Кажется, я перестала понимать подругу.

– Ой, да что ты прицепилась! – Аяка отвернулась к окну.

Чувство, что однажды она исчезнет, становилось всё сильнее и очень меня пугало. Но спрашивать дальше не имело смысла – подруга снова рассердится. Не зная, что делать, я грустно опустила голову.

Через некоторое время Аяка, смотревшая в окно, подперев подбородок рукой, со вздохом сказала:

– Мама умерла.

– Что?.. – Я раскрыла рот от неожиданности. – Как это? Не может быть... Правда?

– Прости. Я не хотела никому говорить.

Аяка пожалала плечами. Я же никак не могла восстановить дыхание.

– Когда... когда это случилось?

– Полгода назад. Говорят, болела. Из семьи она ушла давно, так что и сообщили об этом поздно – уже после похорон.

Скосив взгляд в мою сторону, Аяка едва заметно улыбнулась.

– Ужас какой... А я и не знала...

– Само собой – я же не говорила. Ох, наконец-то я смогла рассказать тебе.

Подруга с облегчением развалилась на стуле. В противоположность ей, моё сердце забилося ещё чаще. Я не могла сдержаться – и перед глазами всё расплылось.

– Эй, ты-то чего плачешь?..

Тёплые слёзы катились по моим щекам.

– Но ведь... как же так...

Всё это время Аяка страдала в одиночку. А я всё это время ругала её, ничего не зная! Лучшая подруга, называется... Только крашенные волосы и прогулы замечала! Мне стало ужасно стыдно за себя.

– Прости, Аяка... Я ужасный друг...

Подруга с лёгким вздохом решительно качнула головой:

– Это ты меня прости. Вообразила, что я одна во всём мире, опустила руки...

А ведь я должна была понимать её лучше, чем кто бы то ни было! Должна была больше заботиться о ней, быть внимательнее... Ну и какая я после этого подруга!..

– Да хватит уже! А то я тоже расплачусь. – Аяка указала на меня пальцем и грустно улыбнулась. – Я в порядке. Только, знаешь, мне всё-таки хочется верить, что закатный поезд существует. Если чудо и правда возможно, я хотела бы встретиться с мамой...

Её прямой взгляд вызвал жар в груди.

– Ага. Тогда я тоже поверю.

– Спасибо, подруга. – Аяка улыбнулась, обнажив белые зубы. Глядя на неё, я вытерла слёзы.

Я думала, что Аяка изменилась, но даже предположить не могла, что у неё умерла мама. Конечно, подруге нужно было время, чтобы принять такую шокирующую новость...

А теперь Аяка наконец рассказала о произошедшем. Значит, она по-прежнему считает меня своей лучшей подругой...

Раз так, то и я могу кое-что сделать для неё. Я больше никогда не буду обвинять Аяку. Легенда о закатном поезде не кажется мне правдоподобной, но если подруга в неё верит, то поверю и я.

После мы болтали обо всём на свете, как раньше, и я была по-настоящему счастлива.

29 апреля, праздничный день, утро. Я только встала и сидела на диване в гостиной, рассеянно глядя во двор.

Перед выходом из комнаты я на всякий случай накинула кофту, но день был солнечный, так что мне было даже жарко. Все вокруг только и говорят, что о «Золотой неделе». Диктор в телевизоре эмоционально рассказывал о том, что на дорогах ожидаются пробки.

Аяка по-прежнему не ходила в школу. С того дня мы много раз переписывались и созванивались, но я ни разу так и не спросила о закатном поезде: я решила верить подруге, а значит, вопросы не нужны.

– Это случается в ясные дни, когда безоблачное небо окрашивается в цвета заката, – пробормотала я начало легенды, рассказанной хозяином кафе.

Впервые услышав эту историю в «Сан-Марино», я подумала, что она слишком неправдоподобная. Но теперь, когда я узнала, как тяжело и больно сейчас Аяке, я смогла поверить даже в закатный поезд. Раньше я про эту легенду даже не знала, но мне казалось, что Аяка совсем не просто так услышала её именно в такое время.

«Прошу, пусть желание Аяки сбудется!» – неожиданно для самой себя взмолилась я.

– Нам надо поговорить, – услышала я, и, открыв глаза, обнаружила рядом хмурую маму. Она села так, что теперь мне было не видно телевизор.

– О чём?

Я увидела, как папа, который до сих пор пил кофе на кухне прямо напротив гостиной, поспешно вышел во двор. Вот это я понимаю – командная игра, родители как будто договорились заранее... Я невольно широко раскрыла глаза от удивления. Обычно папа просто пользуется ситуацией, когда мама уже начинает недовольно бурчать, а тут вдруг сразу ушёл. В чём, интересно, дело...

– Куда это ты ходила в воскресенье?

– В воскресенье?

– Жена Ямады сказала, что видела тебя в «Сан-Марино».

– А, ну да.

Семья Ямады живёт по соседству с нами. И надо же было этой тётке всё разболтать!

– А что «ну да»? Ты была с Аякой, так?

– А что такого? Мы встретились на станции и просто пошли в кафе.

Я уже чувствовала, как воздух наполнялся напряжением, но ещё оставалась спокойной. Ничего плохого я не делала, да и вообще – это был долгожданный выходной, нечего так сердиться.

– И что дальше? – спросила я.

Я заметила, как мама и ушедший во двор папа переглянулись. Пока я сидела, растерявшись от такой непривычной ситуации, я услышала, как мама шумно вдохнула.

– Больше не гуляй с Аякой, – отрезала мама.

– Чего? – нахмурилась я. Что-то она только что сказала?..

– Она даже в школу не ходит! Да ещё, говорят, с плохой компанией связалась...

– И поэтому мне нельзя с ней гулять?

– Знаешь, на прошлой неделе я её видела. Я поздоровалась, а она мимо прошла, даже не ответила! Да ещё волосы осветлила – сожжёт ведь, аж смотреть жалко!

Наверняка она просто не хотела, чтобы кто-то увидел её распухшее лицо. Я же её лучшая подруга, я понимаю. А вот мама этого понять не может никак.

– Послушай, Аюми. Понимаешь, Аяка очень сильно изменилась...

– Аяка – всё та же Аяка! Да, внешне она поменялась, но внутри она такая же, как раньше!

Не в силах справиться с нахлынувшим гневом, я попыталась уткнуться в телефон, но мама, заметив мой «манёвр», нарочито громко вздохнула.

– Я просто не хочу, чтобы ты стала такой же.

– «Такой же» – это какой? Достала уже!

– Ну вот! Ты как со мной разговариваешь?.. Вот до чего общение с такими хулиганками доводит! Ведёшь себя, как ненормальная!

Бесит. Звучит так, будто Аяка – какая-то сумасшедшая.

Я не выдержала и вскочила с дивана.

Мама пронзительно крикнула:

– Так, отец, иди-ка сюда!

Папа поспешно подошёл к окну.

– Ты должна слушаться маму!

– Хватит...

Ну почему? Почему мама снова накинулась на меня? Я ведь ни с кем не хочу ссориться...

– Понимаешь, ты растёшь, взрослеешь, и на каждом этапе надо выбирать новых друзей...

– Что за чушь!

Я попыталась уйти, но мама схватила меня за руку.

– Почему ты не понимаешь, что я о тебе же забочусь?!

– Да ты же совсем её не знаешь! Как ты можешь в чём-то её обвинять?! Оставь меня в покое!..

Я резко стряхнула руку матери и выбежала из дома. За спиной раздавались голоса родителей, но я, не обращая внимания, вскочила на велосипед. Такие слова в адрес подруги я вынести уже не могла. Я с силой давила на педали, но мне казалось, что велосипед совершенно не двигается.

Доехав до склона перевала Сундза, я наконец остановилась. Это место всегда помогало мне посмотреть в лицо своим проблемам. Обычно здесь я уже начинаю раскаиваться в своём проступке, но сейчас всё внутри кипело от гнева.

Подняв глаза к небу, я увидела белые гряды бесчисленных облаков. В такую погоду закатный поезд можно и не ждать...

Может, Аяка уже видела его?.. Может, встреча с чудом из легенды поможет ей стать прежней...

Подумав об этом, я вдруг кое-что поняла.

– Ах, вот оно что!..

Меня ведь тоже сбили с толку перемены во внешности подруги. Я почему-то решила, что она теперь совсем другая, и даже сомневалась в ней. Я, считая себя её лучшей подругой, и сама ничего не знала.

Мне вдруг показалось, что я очнулась ото сна. А ведь если подумать, я и сама забросала Аяку вопросами, будто уже в чём-то обвиняю, хотя подруга была по-прежнему добра ко мне...

Мне было тяжело дышать, и виной тому был не только крутой подъём. Вокруг потемнело, и я подняла голову – небо скрывали густые кроны деревьев.

Добравшись до станции, я уселась на скамью для собраний. Ветра сегодня не было, и на озёрной глади покачивалось несколько лодок. Зелень больше не закрывала небо, но мир перед моими глазами всё ещё был тёмным и смутным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.